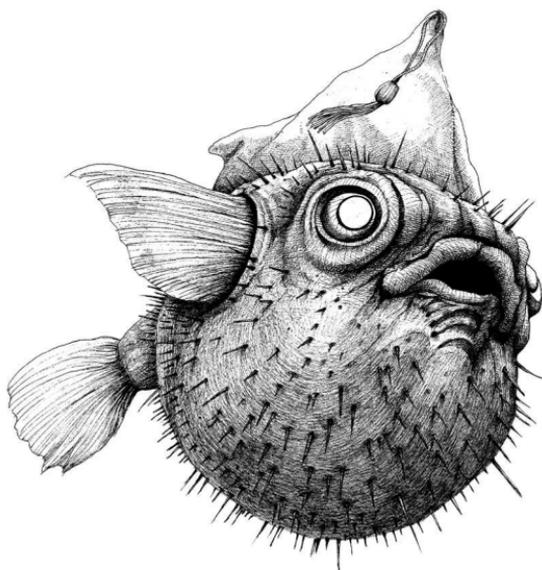

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

RELIQS

Москва

УДК821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Оформление серии *Алексея Клепнева*

Пелевин, Виктор Олегович.
П24 Relics / Виктор Пелевин. — Москва : Эксмо, 2025. —
320 с.

ISBN 978-5-04-204690-2

Сборник ранних и малоизвестных произведений автора. Пелевин как всегда оригинален: структура книги повторяет хронологию событий на стыке XX и XXI веков.

Relics — ностальгическое воспоминание о времени малиновых пиджаков в суровую эпоху стеганых бомберов.

Эти тексты были изданы в 2005 году под названием «Relics: Раннее и неизданное».

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204690-2

© В.О. Пелевин, текст, 2005
© А. Клепнев, иллюстрация на переплете, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

РАССКАЗЫ

КОЛДУН ИГНАТ И ЛЮДИ

4 мая 1912 года к колдуну Игнату пришел в гости протоиерей Арсеникум. Пока Игнат хлопотал с самоваром и доставал пряники, гость сморкался у вешалки, долго снимал калоши, крестился и вздыхал. Потом он сел на краешек табурета, достал из-под рясы папку красного картона, раскрыл и развязно сказал Игнату:

— Глянь-ка, чего я понаписал!

— Интересно, — сказал Игнат, беря первый лист, — вслух читать?

— Что ты! — испуганно зашипел протоиерей. — Про себя!

Игнат стал читать:

ОТКРОВЕНИЕ СВ. ФЕОКТИСТА

«Люди! — сказал св. Феоктист, потрясая узловатым посохом. — Христос явился мне, истинно так. Он велел пойти к вам и извиниться. Ничего не вышло».

— Ха-ха-ха! — засмеялся Игнат, а сам подумал: «Неспроста это». Но виду не подал.

— А есть еще? — спросил он вместо этого.

— Ага!

Протоиерей дал Игнату новый листок и тот прочел:

КОЛДУН ИГНАТ И ЛЮДИ

КАК МИХАИЛ ИВАНЫЧ С УМА СОШЕЛ И УМЕР

«Куда бы я ни пошел, — подумал Михаил Иванович, с удивлением садясь на диван, — везде обязательно оказывается хоть один сумасшедший. Но вот, наконец, я в одиночестве...»

«Да и потом, — продолжал Михаил Иванович, с удивлением поворачиваясь к окну, — где бы я ни оказался, везде обязательно присутствовал хоть один мертвец. Но вот я один, слава богу...»

«Настало время, — сказал себе Михаил Иванович, с удивлением открывая ставень, — подумать о главном...»

«Нет, точно, неспроста это», — решил Игнат, но виду опять не подал и вместо этого сказал:

— Интересно. Только не очень понятна главная мысль.

— Очень просто, — ответил протоиерей, нахально подмигивая, — дело в том, что смерти предшествует короткое помешательство. Ведь идея смерти непереносима.

«Нет, — подумал Игнат, — что-то он определенно крутит».

— А вот еще, — весело сказал протоиерей, и Игнат прочел:

РАССКАЗ О ТАРАКАНЕ ЖУ

Таракан Жу несгибаемо движется навстречу смерти. Вот лежит яд. Нужно остановиться и повернуть в сторону.

«Успел. Смерть впереди», — отмечает таракан Жу.

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

Вот летится кияток. Нужно увернуться и убежать под стол.

«Успел. Смерть впереди», — отмечает таракан Жу.

Вот в небе появляется каблук и, вырастая, несется к земле. Увернуться уже нельзя.

«Смерть», — отмечает таракан Жу.

Игнат поднял голову. Вошли какие-то мужики в овчинах, пряча за спины ржавые большие топоры.

— Дверь отпер... Понятно. То-то я думал — долго ты раздеваешься, — сказал Игнат.

Протоиерей с достоинством расправил бороду.

— Чего вам надо, а? — строго спросил Игнат мужиков.

— Вот, — стесняясь и переминаясь с ноги на ногу, отвечали мужики, — убить тебя думаем. Всем миром решили. Мир всегда колдунов убивает.

«Мир, мир... — с грустью подумал Игнат, растворяясь в воздухе, — мир сам давно убит своими собственными колдунами».

— Тьфу ты, — сплюнул протоиерей и перекрестился. — Опять не вышло...

— Так-то разве убьешь, — сказал кто-то из мужиков, сморкаясь в рукав. — Икону надоть.

СССР ТАЙШОУ ЧЖУАНЬ

Китайская народная сказка

Как известно, наша Вселенная находится в чайнике некоего Люй Дунбиня, продающего всякую мелочь на базаре в Чаньани. Но вот что интересно: Чаньани уже несколько столетий как нет, Люй Дунбинь уже давно не сидит на тамошнем базаре, и его чайник давным-давно переплавлен или сплюснулся в лепешку под землей. Этому странному несоответствию — тому, что Вселенная еще существует, а ее вместилище уже погибло — можно, на мой взгляд, предложить только одно разумное объяснение: еще когда Люй Дунбинь дремал за своим прилавком на базаре, в его чайнике шли раскопки развалин бывшей Чаньани, зарастала травой его собственная могила, люди запускали в космос ракеты, выигрывали и проигрывали войны, строили телескопы и танкостроительные...

Стоп... Отсюда и начнем. Чжана Седьмого в детстве звали Красной Звездочкой. А потом он вырос и пошел работать в коммуну.

У крестьянина ведь какая жизнь? Известно какая. Вот и Чжан — приуныл и запил без удержу. Так, что даже потерял счет времени. Напившись с утра, он пря-

тался в пустой рисовый амбар на своем дворе, чтобы не заметил председатель, Фу Юйши, по прозвищу Медный Энгельс. (Так его звали за большую политическую грамотность и физическую силу.) А прятался Чжан потому, что Медный Энгельс часто обвинял пьяных в каких-то непонятных вещах — в конформизме, перерождении — и заставлял их работать бесплатно. Спорить с ним боялись, потому что это он называл контрреволюционным выступлением и саботажем, а контрреволюционных саботажников положено было отправлять в город.

В то утро, как обычно, Чжан и все остальные валялись пьяные по своим амбарам, а Медный Энгельс ездил на ослике по пустынным улицам, ища, кого бы послать на работу. Чжану было совсем худо, он лежал животом на земле, накрыв голову пустым мешком из-под риса. По его лицу ползло несколько муравьев, а один даже заполз в ухо, но Чжан не мог пошевелить рукой, чтобы раздавить их, такое было похмелье. Вдруг издалека — от самого ямыня партии, где был репродуктор, — донеслись радиосигналы точного времени. Семь раз прогудел гонг, и тут...

Не то Чжану примерещилось, не то вправду: к амбару подъехала длинная черная машина. Даже непонятно было, как она прошла в ворота. Из нее вышли два толстых чиновника в темных одеждах, с квадратными ушами и значками в виде красных флажков, а в глубине машины остался еще один, с золотой звездой на груди и с усами, как у креветки. Он обмахивался красной папкой. Первые двое взмахнули рукавами и вошли в амбар. Чжан откинул с го-

ловы мешок и, ничего не понимая, уставился на гостей.

Один из них приблизился к Чжану, три раза поцеловал его в губы и сказал:

— Мы прибыли из далекой земли СССР. Наш Сын Хлеба много слышал о ваших талантах и справедливости и вот приглашает вас к себе.

Чжан и не слышал никогда о такой стране. «Неужто, — подумал он, — Медный Энгельс на меня донос сделал, и это меня за саботаж забирают? Говорят, они при этом любят придуриваться...»

От страха Чжан аж вспотел.

— А вы сами-то кто? — спросил он.

— Мы — референты, — ответили незнакомцы, взяли Чжана за рубаху и штаны, кинули на заднее сиденье и сели по бокам. Чжан попробовал было вырваться, но так получил по ребрам, что сразу покорился. Шофер завел мотор, и машина тронулась.

Странная была поездка. Сначала вроде ехали по знакомой дороге, а потом вдруг свернули в лес и словно нырнули в какую-то яму. Машину тряхнуло, и Чжан зажмурился, а когда открыл глаза — увидел, что едет по широкому шоссе, по бокам которого стоят косые домики с антеннами, бродят коровы, и висятся плакаты с мясистыми лицами правителей древности и надписями, сделанными старинным головастиковым письмом. Все это как бы смыкалось над головой, и казалось, что дорога идет внутри огромной пустой трубы. «Как в стволе у пушки», — почему-то подумал Чжан.

Удивительно — всю жизнь он провел в своей деревне и даже не знал, что рядом есть такие места. Стало ясно, что они едут не в город, и Чжан успокоился.

Дорога оказалась долгой. Через пару часов Чжан стал клевать носом, а потом и вовсе заснул. Ему приснилось, что Медный Энгельс утерял партбилет и он, Чжан, назначен председателем коммуны вместо него и вот идет по безлюдной пыльной улице, ища, кого бы послать на работу. Подойдя к своему дому, он подумал: «А что, Чжан-то Седьмой небось лежит в амбаре пьяный... Дай-ка зайду посмотрю».

Вроде бы он помнил, что Чжан Седьмой — это он сам, и все равно — пришла в голову такая мысль. Чжан очень этому удивился — даже во сне, — но решил, что раз его сделали председателем, то перед этим он, наверное, изучил искусство партийной бдительности, и это он и есть.

Он дошел до амбара, приоткрыл дверь и видит: точно. Спит в углу, а на голове — мешок. «Ну подожди», — подумал Чжан, поднял с пола недопитую бутылку пива и вылил прямо на накрытый мешком затылок.

И тут вдруг над головой что-то загудело, завывало, застучало — Чжан замахал руками и проснулся.

Оказалось, это на крыше машины включили какую-то штуку, которая вертелась, мигала и выла. Теперь все машины и люди впереди стали уступать дорогу, а стражники с полосатыми жезлами — отдавать честь. Двое спутников Чжана даже покраснели от удовольствия.

Чжан опять задремал, а когда проснулся, было уже темно, машина стояла на красивой площади в незнакомом городе, и вокруг толпились люди; близко их, однако, не подпускал наряд стражников в черных шапках.

— Что же, надо бы к трудящимся выйти, — с улыбкой сказал Чжану один из спутников.

Чжан заметил, что чем дальше они отъезжали от его деревни, тем вежливее вели себя с ним эти двое.

— Где мы? — спросил Чжан.

— Это Пушкинская площадь города Москвы, — ответил референт и показал на тяжелую металлическую фигуру, отчетливо видную в лучах прожекторов рядом с блестящим и рассыпающимся в воздухе столбом воды; над памятником и фонтаном неслись по небу горящие слова и цифры.

Чжан вылез из машины. Несколько прожекторов осветили толпу, и он увидел над головами огромные плакаты:

«Привет товарищу Колбасному от трудящихся Москвы!»

Еще над толпой мелькали его собственные портреты на шестах. Чжан вдруг заметил, что без труда читает головастиковое письмо и даже не понимает, почему это его назвали головастиковым, но не успел этому удивиться, потому что к нему сквозь милицейский кордон протиснулась небольшая группа людей: две женщины в красных, до асфальта, сарафанах, с жестяными полукругами на головах, и двое мужчин в военной форме с укороченными балалайками. Чжан понял, что это и есть трудящиеся. Они несли перед собой что-то темное, маленькое и круглое, похожее на переднее колесо от трактора «Шанхай». Один из референтов прошептал Чжану на ухо, что это так называемый хлеб-соль. Слушаясь его же указаний, Чжан бросил в рот кусочек хлеба и поцеловал одну из девушек в нарумяненную щеку, поцарапав лоб о жестяной кокошник.